

Ирина Гривнина родилась в Фергане в 1945 году. Окончила Московский авиационный институт (в 1969 году) по специальности «Вычислительная техника и программирование», до 1980 г. работала математиком-программистом.

С детства любила и изучала русскую и иностранную литературу, самостоятельно и с помощью друзей, профессиональных поэтов, писателей и переводчиков. Большую роль в ее жизни сыграло знакомство с блестящей переводчицей Ритой Яковлевной Райт (среди ее работ — переводы Фолкнера, Воннегута, Кафки, Сэлинджера, Натали Саррот, Белля...). Из-за болезни глаз Рите Яковлевне было трудно читать, и И.Гривнина помогала ей вносить правку в рукописи. Это была великолепная школа. Под влиянием Риты Яковлевны она занялась английским, самостоятельно выучила его и даже переводила рассказы Роланда Дала и стихи Эмили Дикинсон (не опубликовано).

Начиная с 1978 года сотрудничала в «самиздатском» журнале, публиковавшем материалы о психиатрических репрессиях в СССР. За это в сентябре 1980 года была арестована КГБ, провела 14 месяцев в следственной тюрьме «Лефортово». По приговору суда была сослана в Казахстан. Возвратилась в Москву летом 1983 года. С этого времени ее статьи и стихи начинают появляться в газетах и журналах Голландии, Америки, Германии.

В октябре 1985 года выехала с семьей (мужем и двумя дочерьми) в Голландию, в марте 1989 года вся семья получила голландское подданство.

В Голландии работает для различных газет и журналов

(«Intermediar», «De Tweede Ronde», «Utrechtse Nieuwsblad») и в последние годы для еженедельника «Панорама» (Лос-Анджелес). За 5 лет (1986—1991) русская служба BBC передала более 60 ее программ. И.Гривниной опубликовано, помимо нескольких книг, более 30 статей и эссе, касающихся не только политики, но и новостей культуры, русской и голландской литературы, кино, театра.

В 1989 году в Бельгии вышла двуязычная книга поэта Лео Геертца «Я — Россия», с параллельными переводами фламанских стихов на русский язык И.Гривниной. В том же году она перевела 20 стихотворений голландских и фламанских поэтов на русский язык по заказу ежегодного Роттердамского фестиваля «Poetry International», и была приглашена выступать со своими стихами в Роттердамский поэтический клуб «Международная Поэзия». Эти стихи были позднее опубликованы в Бельгии и Голландии.

Последняя переводческая работа И.Гривниной — книга голландского детского писателя Пал Бигля «Черная вдова», которая выходит в московском издательстве «Текст».

Библиография

«Шахматная партия против КГБ» — B&S, Амстердам, 1986.

«Кто вы, господин Горбачев?» — Sijthoff, Амстердам, 1988.

«Я — Россия» — Антверпен (перевод стихов Лео Геертца), 1989.

«Мертвый город» — Amber, Амстердам, 1992.

ИРИНА ГРИВНИНА

ДЕТИ АХМАТОВОЙ

Кн. обозрение. — 1993. — 22 окт. (№ 42) — с. 11, 13.

В теплой комнате, как помнится, без книг, без поклонников, но также не для них, опирая на ладонь свою висок,
Вы напишете о нас
наискосок...

«А.А.Ахматовой».
Иосиф Бродский

Евгений Рейн, Иосиф Бродский, Александр Кушнер. Пожалуй, эти трое — лучшие из ныне живущих русских поэтов. Все — петербуржанин, почти болезненно влюбленные в свой роскошный, царственный город. И каждый так похож на собственные стихи, что просто невозможно их спутать. Тихий, сосредоточенный, застенчивый лирик Кушнер. Резкий, на грани эпатажа холодный «римлянин» Бродский. Неудержимый, словно сорвавшийся с цепи горный поток, Рейн... Странное чувство возникает, однако, когда читаешь их стихи попеременно: некое глубинное сходство, как бы общая верная нота, по которой настроены эти, такие разные поэтические голоса. «Нас что-то связывает, — говорит Александр Кушнер, — кроме судьбы, кроме того, что мы знакомы с ранней юности. По-видимому, нас связывает русская поэзия: Тютчев, Мандельштам, Ахматова...». Можно добавить: особенно — Ахматова.

Те, кто входил в русскую поэзию до 53-го года, года смерти Сталина, как правило, не слышали даже имен великих своих предшественников, поэтов Серебряного века. Правители России экспериментировали: поворачивали вспять реки, загоняли в ГУЛаг целые народы, расстреливали ученых и писателей. И для прославления своих небывалых экспериментов пытались приспособить русскую поэзию. Но настоящие поэты — люди непрактичные. Наверное, поэтому плохо получались у них оды во славу советской власти и очередного ее великого вождя. Они погибали или уходили в полуподпольную жизнь, годами кормились переводами. А освободившиеся места на Парнасе

занимали представители новой, советской поэзии. Это чудовищное растение пытались выращивать на пустом месте, вне русской литературной традиции.

«Все эти поэты провалились, — спокойно констатирует Александр Кушнер, — хотя имели прижизненный успех. Потому что стихотворение возникает на перекрестке традиции и новизны, и без опоры на русскую классическую традицию и поэзию начала века ничего сделать в поэзии невозможно».

Возродить русскую поэзию можно было только через восстановление преемственности.

Им невероятно повезло. Дети, рожденные в разгар «Великого Террора» тридцатых, достигли зрелости к середине пятидесятих. К тому удивительному моменту советской истории, когда террор был ненадолго приостановлен. «Время, — шутит Иосиф Бродский, — стало более вегетарианским». И — чудом, словно из небытия, явились тоненькие школьные тетрадки с любовно переписанными стихами Мандельштама, Цветаевой, Ахматовой. Старушки, уцелевшие в сталинских лагерях, по памяти составляли сборники, перепечатывали стихи на допотопных пишущих машинках. И молодые, с трудом разбирая «слепые» копии, читали, захлебываясь от восторга, романтических «Капитанов» Николая Гумилева и цветаевский, черный и горький, «Лебединый стан». Шла первая «оттепель», полная надежд на возрождение небывало справедливых «ленинских принципов» и грядущее всенародное коммунистическое счастье через 20 лет. Пора поэзии...

Шумная и нетерпеливая Москва, в который раз тщась провозгласить себя центром Вселенной, придумала «Вечера поэзии», лишь наполовину официальные, случавшиеся, как правило, в студенческих клубах. И — уже вполне официально — каждый год назначался «День Поэзии». Почему-то приходился он на морозное начало декабря, и чтения устраивались на улице, на огромной площади, посреди

которой возвышался тяжелый, уродливый памятник Маяковскому. Темная толпа шевелилась в тумане собственного дыхания, диким ревом встречала любимцев — совсем еще молодых Евгения Евтушенко, Бэлла Ахмадулину, Андрея Вознесенского. Действо это напоминало скорее финал мирового чемпионата по футболу, концерт рок-группы. — что угодно, только не чтение стихов. Процесс год от года нарастал лавинообразно. Евтушенко с Вознесенским пытались переорать друг друга с эстрад огромных стадионов, а в свободное от выступлений время — умело интриговали и в меру фрондировали, заискивали перед «литературными генералами». Забывали обо всем на свете ради роскошных дач и заграничных путешествий. Жизнь на эстраде. Толпы поклонников, ошалевших от дефицита книг, недостатка развлечений и отсутствия отечественных звезд рок-ролла. Многотысячные тиражи книг... Кому нужна вся эта суеда? Бродский верно говорит: «Даже в очень большой стране не может быть много любителей поэзии».

Прошло почти тридцать лет, я встретила в Роттердаме Бэлла Ахмадулину, пожалуй, единственного честного человека из всей этой компании, и она сразу же заговорила о несомненном вреде, нанесенном «московской» ветви русской поэзии эстрадой: «Я тогда по молодости в этом участвовала, но пока мы там развлекали публику, Бродский отправлялся в Архангельскую ссылку... Это было на самом деле его удачей и выгодой. Вообще ленинградцы, там, вдали от суеты, лучше сохранились и имели большую возможность чистого литературного существования, поэтического развития. Может быть, благодаря величю своего города они устояли».

Там, в Ленинграде, всего в пяти часах езды к северу от Москвы (для России с ее чудовищными расстояниями — совсем недалеко!), рассеянные одиночки трудолюбиво рылись в пыльных залежах букинистических

магазинов, зябли на толкучках «черных» книжных рынков, где можно было за не слишком высокую цену купить старые, чуть живые от ветхости сборники: «Четки», «Белая стая», «Камень»... Евгений Рейн вспоминает, что именно в те годы он собрал уникальную библиотеку. В 1959 году ему посчастливилось познакомиться с Анной Ахматовой, а чуть позже — ввести в ее дом своих друзей. «В теплой комнате» ее ленинградской квартиры или на ветхой террасе дачного домика в Комарове несколько человек собирались за столом и слушали рассказы очень старой женщины, поражающей их поистине королевским пренебрежением к тяготам страшной своей жизни. Горел уютная лампа, и под нею читали стихи или просто — обедали и, как водится на Руси, пили водку.

Анна Андреевна Ахматова, вне всякого сомнения, была женщиной поразительной. Сорок с лишним лет, прожитых при советской власти: гибель любимых, арест сына, многолетняя расчетливая травля не совладали с ее благородной осанкой. Все так же прекрасен был ее вдохновенный профиль, величественный движения. Для них, совсем молодых еще людей, Ахматова была целой эпохой, абсолютно непредставимой, исключенной из истории страны. Блок и Гумилев, Кузмин и Мандельштам, Марина Цветаева, Амадео Модильяни... Ахматова — живая свидетельница и участница Серебряного века — протянула им руку и заговорила на равных.

Бродский вспоминает, как Ахматова показывала им свои новые стихи. Несколько раз случалось: кто-то подсказывал более точное слово, и Ахматова принимала поправку. Она называла Рейна, Бродского, Бобышева и Наймана «волшебным хором» и очень любила порассуждать о том, что они представляют «второй Серебряный век» русской поэзии.

Новости без комментариев

* Лев Разгон («Непридуманное») присутствовал на открытии памятника жертвам политических репрессий в московском районе Бутово — на месте тайных захоронений.

* Совершено покушение на Вильяма Ньюгора, владельца издательской фирмы, опубликовавшей роман Салмана Рушди «Сатанинские стихи» в Норвегии.

* Борис Олейник, украинский поэт, известный своей антигербачевской книгой «Князь тьмы», заявил о готовности возглавить коммунистическую партию Украины.

* Скончался Владимир Турбин, преподаватель филологического факультета МГУ, литературовед и критик («Товарищ время и товарищ искусство», «Герои Гоголя», «Прощай, эпос?»).

* Дмитрий Лихачев и Фазиль Искандер вошли в число претендентов на получение Государственной премии России в области литературы и искусства.

* В Пятигорске прошел первый международный лермонтовский праздник.

* «Лолита», самый читаемый в мире роман Владимира Набокова, будет, по всей видимости, экранизирован корифеем американского кино Майклом Дугласом.

* Составной частью поездки по Европе Александра Солженицына стала его встреча в Ватикане с Иоанном Павлом II.

* Рукопись книги стихов арестованного главаря ФНС Ильи Константинова поступила в издательство «Палей».

* Бозору Собору, 53-летнему таджикскому поэту, предъявлены обвинения по четырем статьям местного УК (в том числе та, как «призыв к свержению законной власти» и «призыв к национальной розни»).

* В столичном Музее изобразительных искусств имени А.С.Пушкина открыта выставка «видео» Андрея Вознесенского.

* «Ковчег Шиндлера», роман Томаса Кеннелли, отмеченный Букеровской премией (в отечественных mass media почему-то — «Список Шиндлера»), лег в основу сценария очередной ленты Стивена Спилберга.

* В Москве объявлено о создании Фонда поддержки славянского искусства, культуры и религии.

* Закладка камня на месте будущего памятника Ивану Аксакову состоялась в башкирском городе Белебее.

По сообщениям корреспондентов «КО» и международных информационных агентств подготовил Б.АНКИН.

Издательство «Эста» выпустило в свет книгу Майн Рида «Отважная охотница, Приключения Ленора, Голубой Дик» из серии «Большая библиотека приключений».